

Мэри Уильямс
Золото Дюка

Мэри Уильямс

Золото Дюка

OCR Аваричка

Золото Дюка: Панорама; Москва; 2002

ISBN 5-7024-1345-8

Аннотация

Предвкушая богатое наследство, Роджер Куртни и мысли не допускал, что состояние его дяди может достаться кому-нибудь другому. Тем ужаснее для него было узнать в своей конкурентке Леону Дарк, крестьянскую девушку, которую много лет назад он бессердечно соблазнил и бросил. Леона не забыла обиды и теперь, когда пришло ее время, сполна насладились неблагоприятием бывшего «возлюбленного». Ненависть и презрение схлестнули героев не на жизнь, а на смерть, чуть не разрушив ненароком настоящую, искреннюю и страстную любовь их детей.

Содержание

1	4
2	23
3	32
4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мэри Уильямс

Золото Дюка

1

1899

Монотонный голос нотариуса бубнил фразы, состоящие из сухих юридических терминов, что совершенно не вязалось с наэлектризованной атмосферой, которая царила в мрачной комнате. Слушатели застыли в немом, полном драматизма ожидании.

Был вечер. Все, кто имел хоть какое-то отношение к наследству, собрались в библиотеке на оглашение завещания умершего лорда Джонатана, главы клана и местного сквайра. Он прожил девяносто лет, последние из которых провел в своей комнате, тираня домочадцев. Ни у кого не было сомнений, что его племянник, Роджер Куртни, будучи ближайшим родственником, унаследует титул и владения. Роджер ждал этого момента терпеливо, за мизерную плату поддерживая земли и все хозяйство в относительном порядке. Вообще-то он служил стряпчим в компании в Пензансе.

И вот, наконец, свершилось: в возрасте тридцати восьми лет Роджер вступал в права наследования. Сохраняя невозмутимый вид, он уже ликовал, предвкушая счастливое буду-

щее. Он слушал монотонный голос нотариуса, ни один мускул не дрогнул на его лице с резкими, четко вылепленными чертами. С ним вместе слушали все: его жена Кларисса, падчерица Арабелла и его собственные от Клариссы дети – близнецы, почти двумя годами младше Арабеллы, Ева и Руперт.

Присутствовали также Оливия – престарелая дальняя родственница; садовник, ворчливый старик с отвратительным характером, такой же коварный, каким был его хозяин в последние годы; экономка, проводившая больше времени в компании с бутылкой, нежели в хлопотах по хозяйству, но которую раньше, нельзя было выгнать, поскольку сэр Джонатан не разрешал. И, наконец, в дальнем углу, в тени, стояла высокая женщина. Иногда луч света, падавший из высокого окна, выхватывал прядь ее золотисто-рыжеватых волос и лицо с высокими скулами. Это была Леона Дарк, женщина, помогавшая по дому в течение последних нескольких лет, что-то вроде приходящей прислуги. Было видно, что она пришла сама по себе и сейчас стояла в стороне от остальных, одиноко, с гордо поднятой головой. Казалось, она вызывала у присутствующих негодование и напряжение, так как была здесь чужой. В конце концов, она всего лишь жена медника, Сарна Дарка – человека с дурной репутацией, который редко бывал в своей лачуге в Келин Вудс, затерянной в лесах, окаймляющих владения Куртни.

Роджеру никогда не нравилось ее пребывание в Фернгей-

те. Но Леона – одному Богу известно, где она откопала такое имя, – появлялась там, когда хотела. Очень похоже на нее, думал Роджер, злясь и не понимая, зачем этот высохший нотариус пригласил ее сюда.

Но ему предстояло это очень скоро узнать.

Огласив детально документ, включающий имена всех главных и второстепенных наследников, нотариус сделал короткую паузу, перед тем как прочитать дополнение к завещанию.

– *«И Леоне Дарк из Келин Вудс я завещаю Оулесвик, со всем содержимым, землями, включая старый рудник «Веал Фэнси», который может быть восстановлен для добычи. Я делаю это в знак признательности и благодарности за ее заботу обо мне в последние годы моей болезни. Я не решаю оспаривать мое решение. Вышеуказанная земля принадлежала моей последней жене, Лидии, и никогда не была собственностью Куртни. Наконец на закате жизни я могу отдать долг, который давно собирался отдать. И желаю счастья Леоне и ее сыну Солу. Надеюсь, он оправдает мое доверие. Своей семье я не оставляю ничего, кроме того, что принадлежит ее членам по закону. Что они и заслужили своим отношением ко мне».*

Вздых удивления слушателей нарушил тишину, пока нотариус переворачивал страницы. Потом, прочистив горло, нотариус сказал:

– Итак, леди и джентльмены, последний пункт заключа-

ет...

Его прервал возглас Роджера:

– Какая нелепость!

Он повернул голову и холодно взглянул на Леону, которая, не моргнув, встретила его взгляд. Какой-то момент казалось, что она осталась одна среди толпы наследников. Возмущение, ненависть – или нечто посильнее? – приковало их взгляды друг к другу, как будто их связывали невидимые прочные узы, которые невозможно разорвать.

Она двинулась к двери, опущенные веки не позволяли различить выражение ее глаз. Только фигура и походка выдавали презрение и злорадство Леоны.

Роджер успел только сказать:

– Я хочу повидаться с вами как можно быстрее. У меня есть предложение по поводу Оулесвика. – Его голос был спокоен и холоден, хотя в нем проскальзывала горечь разочарования.

– Правда? Извольте. Но я вам сразу говорю, что ни земли, ни рудника вам не видать.

И, подняв голову, кутая плечи в черную шаль, Леона Дарк направилась к выходу. Она была теперь довольно-таки грузной женщиной, но в ее походке все еще скользила вызывающая кошачья грация, которую Роджер помнил с тех пор, когда впервые встретил ее.

Гнев, переходящий в ненависть, кипел в нем, но все равно на миг воскресло былое желание. Однако Роджер быстро

взял себя в руки, устыдившись мгновенной вспышки страсти. Она шлюха, не более того. Все знают. Но шлюху можно купить. И он сделает это. Надо сохранить Оулесвик и рудник, которые всегда были собственностью Куртни, что бы там ни болтал старый крючокотвор. В руднике «Веал Фэнси» оставалась медь. Там можно еще нажить целое состояние. Он консультировался с экспертами и знал это. И старик, очевидно, тоже знал, но был слишком скуп, чтобы вложить туда деньги и обновить оборудование.

Через полчаса все формальности были закончены.

Слуги разошлись, дети убежали, в комнате остались только Роджер, который мрачно взирал на лежавший перед ним на столе документ, и его жена, обидчиво заглядывающая через его плечо. Это была тонкая женщина с узким личиком, потерявшая всю былую привлекательность от бесконечного напряженного ожидания наследства старика и надежды на лучшую жизнь.

Роджер женился на Клариссе больше из романтического сочувствия, чем из желания, когда она осталась трогательной молодой вдовой с годовалой дочкой на руках. Она была из Лондона, ненавидела деревню, сельскую жизнь и мирилась с ними только по необходимости. К тому же она оказалась плохой хозяйкой, не умела вести дом. Лорд Джона-тан никогда не любил Клариссу, да и слуги тоже. Когда родились близнецы, Роджер поначалу испытывал к ней благодарность за сына. К несчастью, мальчик пошел не в семью

Куртни, был упрям, своеволен и капризен. Девочка, Ева, была чувствительной, застенчивой и некрасивой, только глаза были хороши, огромные, серые и блестящие, но их упорный взгляд, часто устремленный на отца, раздражал Роджера, вызывая ощущение неловкости. Ева прихрамывала, что придавало своеобразие ее походке.

Роджер никогда не понимал дочь и не пытался это сделать. Мать она также глубоко раздражала. Роджер про себя считал ее простушкой. Только Арабелла отвечала полностью его ожиданиям, но, по иронии судьбы, не была его родной дочерью. Поглядывая на нее иногда украдкой, он поражался, как Кларисса смогла произвести на свет такое удивительное существо. Если волосы жены, сейчас уже седеющие, были бесцветно-белокурыми, а кожа сухой, склонной к морщинам, то пышные локоны Арабеллы были цвета спелой пшеницы, глаза на свету сверкали нефритом, кожа была гладкой и чистой.

Молодость, разумеется, меланхолически напомнил себе Роджер. В возрасте Арабеллы и Кларисса, возможно... но нет! Даже в расцвете юности Кларисса и в подметки не годилась своей дочери. Наверное, ребенок унаследовал красоту отца. Тот был загадочной личностью, бросил свою молодую жену и, если ей верить, был убит в пьяной потасовке. Роджер никогда не вникал глубоко в прошлое Клариссы, так как, собираясь жениться во второй раз, все еще страдал от потери Анны, первой жены, которая умерла, родив мертвого ребенка. После стольких лет воспоминания и сейчас пробу-

дили острую боль, хотя он пытался забыть прошлое.

Но это удавалось не всегда. Особенно вначале это было ужасно, действительно ужасно. В то время Роджер и встретил Леону. Произошло это в разгар лета, после полуночи, когда серебряный свет луны заливал землю. Не желая беспокоить домашних, Роджер отпустил кеб, не доезжая до дома, и, находясь под винными парами, пошел в неверном направлении. Вдруг он обнаружил, что находится в окрестностях Келин Вудс. Впереди, наполовину скрытая за деревьями, стояла хижина Дарка. С другой стороны блестела вода и над прудом склонилась женщина. В лунном свете была видна белеющая полуоткрытая грудь.

Это было укромное место, знакомое Роджеру с детства, когда он пробирался тихонько на заповедную территорию, чтобы ловить здесь рыбу. Но той ночью все казалось другим. Он стоял как замороженный, глядя на женщину из-за толстого ствола большого дуба. Она низко опустила голову и сильными руками в волшебном свете луны перекинула тяжелую массу блестящих золотистых волос через голову. Руки ритмично двигались в воде, блуза или шаль соскользнула на талию, обнажив бледные очертания фигуры экзотической нимфы. Роджер узнал Леону и вдруг под действием вина и колдовской ночи загорелся безрассудным непреодолимым желанием.

Он двинулся к ней. Леона подняла голову и несколько секунд смотрела на него в изумлении. Роджер видел резкие

черты лица, высокие скулы и любопытный, ничуть не встревоженный взгляд. Потом она выпрямилась – юбка была высоко подоткнута на бедрах – и попыталась прикрыть грудь.

– Убирайся, – пробормотала она.

Но его руки уже были на ее теле и, сначала осторожно, предвкушая наслаждение, гладили шелковистую, атласную кожу. Влажный каскад волос, рассыпавшихся по спине и плечам Леоны, волшебство ночи и смутные тени усиливали желание Роджера. В бархатной темноте сверкали серебром листья и белела ее обнаженная фигура. Она не сопротивлялась, когда он овладел ею, а, когда все было кончено, стояла неподвижно и смотрела на Роджера с непроницаемым выражением на лице. Потом невозмутимо прикрылась шалью и пошла к своей хижине, пока он все еще возился со своей одеждой, пытаясь привести себя в порядок. Ему было стыдно и противно. Он трезвел, пробираясь по лесу.

– Шлюха, – бормотал он, зная, что это не так, но после взрыва страсти приходя в себя и понимая, что должен обезопасить свое будущее.

Леона была лишь отродье медника, не более того. А он – наследник Фернгейта.

На следующий день она явилась повидать его, но, к счастью, Роджер как раз в это время уезжал из поместья. Потом он удачно избегал ее несколько недель, а вскоре и вовсе женился вторым браком на Клариссе, и краем уха слышал сплетни, что Леона вышла замуж за Сарна Дарка.

На какой-то период она исчезла и не приходила помогать по хозяйству в Фернгейт. Кларисса незадолго до рождения близнецов рассказала мужу, что у этой «странной женщины» из Келин Вудс родился сын.

– Ужасно, – воскликнула она, всплеснув аристократическими ручками, – ужасно, что ребенок будет расти в таком окружении! Я слышала, этот кошмарный Сарн несколько раз попадался за кражу или за браконьерство. А его жену Леону нашли младенцем у двери лачуги, говорят, ее подбросила цыганка, и старая Сара подобрала – в надежде, что, когда девочка вырастет, будет ей помогать. Кухарка говорит, Леону хотели выдать за Дюка, старшего сына Сары, но он остался в Африке, когда началась война. Послушай, Роджер, мне кажется, нам надо быть разборчивее при найме прислуги. Мне бы не хотелось, чтобы наши дети соприкасались с людьми такого сорта. В будущем мы постараемся не брать приходящую прислугу, а обратимся в какое-нибудь респектабельное бюро по найму...

– Если у нас будут на это средства, – перебил ее Роджер. – Мне кажется, Кларисса, что пока мы можем прекрасно обойтись и без этого, а потом ты справишься от родов и сможешь принимать больше участия в домашних делах. Ты знаешь старика, мы не должны его расстраивать, требуя то одно, то другое. Что касается Леоны – забудь о ней. Если понадобятся лишние руки на кухне, я уверен, миссис Пуллен все устроит.

Все было оставлено как есть. Леона появлялась в доме

время от времени, но Роджер ни разу не встретился лицом к лицу с ее сыном Солом. Он избегал встреч с мальчиком, как будто боялся того, что мог увидеть. В тех редких случаях, когда он замечал Леону, которая шла в дом то с корзиной яиц, то с выстиранным бельем на одной руке – за другую цеплялся ребенок, он осторожно скрывался в библиотеке или ускользал из дому. Ему было ужасно неприятно, что так все складывается. К тому же Роджер был совершенно уверен, что ребенок родился от этого негодяя Сарна, несмотря на длительные отлучки бродяги. Но иголки страха и подозрения иногда покалывали, намекая, что может быть по-другому... Но, если даже эти подозрения справедливы, он, Роджер, не хочет об этом знать.

О Боже, только не это! – молился он.

Теперь, после подлого пункта в завещании старика, Леоне вполне может прийти в голову мысль таскать за собой мальчика через болото на ферму при любой возможности. Так и будет, если он, Роджер, допустит, чтобы этот абсурдный пункт завещания вступил в силу. Но он не позволит! Найдет способ и помимо суда. По закону Оулесвик принадлежит Леоне, но есть же обходные пути. Каждая женщина имеет свою цену – даже такая хитрая кошка, как Леона.

Роджер решил увидаться с ней как можно скорее.

Когда все успокоилось после отъезда нотариуса, Роджер решил прогуляться после обеда в Оулесвик. Ферма была заброшена еще шесть месяцев назад, когда ее арендатор умер,

а его вдова уехала в Плимут. Тот человек был стар и не мог содержать ферму в порядке, но сложенный из камня дом, построенный у подножия холма, был хорош. Справа виднелись очертания заброшенного рудника, похожего на скелет.

Рудник сейчас мертв, но он оживит его. Ритмично постукивая, заработает насос, послышатся песни девушек, спешащих через болото на утреннюю смену. Оставшиеся без работы мужчины снова получают ее на руднике. Вырастут коттеджи для рабочих, где они будут жить в достойных условиях. Он будет хорошим хозяином и работодателем, экономным, когда это потребуется, но разумным и справедливым. Дети не будут работать под землей на «Веал Фэнси». Он заслужит добрую репутацию как владелец поместья и сквайр Трегвина, а когда умрет, его сыну будет чем гордиться...

Его сын...

Горькое чувство разочарования возникло у Роджера при мысли о Руперте. Мальчишка только и делал, что разъезжал по окрестностям на своем пони Принце. Такое времяпрепровождение одобряла Кларисса. Надо с ней поговорить, она портит мальчика. Наследник Фернгейта должен узнать, что жизнь состоит не только из хороших манер и любезничания с девицами. Хорошая школа-пансион будет правильным шагом на пути к его образованию. Местный учитель не способен выявить способности ученика. Так же, как и Кларисса, мрачно решил Роджер.

Он постарался выбросить из головы неприятные мысли

и через пять минут уже поднимался по тропинке через луг к ферме. Обернувшись, он окинул взглядом поместье Куртни. Быстро темнело. Башенки и каминные трубы создавали странное впечатление, будто дом находится прямо у моря, хотя неровный берег был в полумиле. За домом лежали леса, не видные отсюда, и овраг, криво прорезающий общественный выгон. Глупость какая – общественный выгон, подумал Роджер.

Резко повернувшись на каблуках, он продолжил путь. Случайный луч догорающего дня упал на крышу фермерского дома, и Роджер подумал, что, когда начнутся работы, здесь сможет жить управляющий.

Задумавшись о делах, он как-то совершенно забыл о Леоне и, сделав круг, вернулся домой. Однако она сама напомнила о себе. На следующий день, когда Роджер появился в своем офисе в Пензансе, она уже ждала его там.

– Вас ожидает леди, то есть какая-то женщина, – доложила секретарша, – миссис Дарк. Я проводила ее в заднюю комнату, мистер Роджер.

Она стояла у окна в темном платье, на плечи была накинута красная шаль, которая не могла спрятать стройные очертания статной фигуры. Голова не покрыта – ни шарфа, ни шляпы, рыжеватые волосы забраны вверх и перевязаны красной лентой.

Она медленно обернулась к открывающейся двери. Роджер постоял немного, глядя на нее, потом вошел и закрыл

дверь.

– Почему вы здесь?

– Вы хотели меня видеть, – ответила она, – и я подумала, лучше сразу обо всем договориться, и поскорее. Я приехала верхом, на нашей Эбони. Но вы должны знать с самого начала, что я...

– Сядьте, – резко оборвал ее Роджер, потом смягчил тон, – лучше поговорить сидя. Это насчет завещания.

– Да, – ее тон тоже был резким, – но я предпочитаю говорить стоя.

Он пожал плечами.

– Как хотите. Так вот, по поводу Оулесвика...

– По этому поводу все было сказано вчера, в вашем прекрасном доме. Ясно, прямо и начистоту. Ферма моя, и я не отдам ее никому. Потом она перейдет к моему сыну, Солу. Я буду работать, а он, когда вырастет, продолжит мое дело.

С трудом сдерживая гнев, Роджер вздохнул и покачал головой.

– Послушайте, Леона...

– Миссис Дарк...

– Очень хорошо, раз уж вы гордитесь этим именем. Может, мне называть вас мадам? – Его губы искривила усмешка.

Она не обратила внимания на сарказм.

– Почему бы и нет, мистер Куртни?

– Владелица собственности, а?

– Вот именно.

Возникла пауза, Роджер с трудом оторвал взгляд от ее немигающего ответного взора, явно выражающего осуждение. Почему она никак не может забыть проклятое прошлое? Зачем будит память о том единственном, происшедшем много лет назад случае? А ведь будит, будит каждым изгибом своего тела, кошачьей грацией и вибрирующим хрипловатым голосом. Она ничего для него не значит и никогда не значила, за исключением внезапно возникшей потребности удовлетворить сексуальный голод. И в то же время одно ее присутствие каким-то неуловимым образом влияет на его мысли. Роджер почувствовал смятение, вспомнив мальчика, ее сына. Невозможно представить, что, поселившись на ферме, так близко от Фернгейта, они будут непрестанно попадаться ему на пути – в поле, на болоте или на тропе. Она не сможет нанести урон его репутации сквайра, но случайное слово – и начнутся сплетни. И потом, неужели рудник должен остаться в запустении из-за того, что такое упрямое создание без рода и племени, каким является Леона Дарк, хочет ему препятствовать?

Он попробовал смягчить тактику, предложив сделку, причем назвал сумму гораздо больше той, которую собирался предложить сначала. Леона слушала молча, пока он не произнес:

– Вы понимаете, что мое предложение более чем великодушно. Вы можете найти прекрасное применение этим день-

гам – уехать куда-нибудь, приобрести коттедж и устроить своего... сына к кому-нибудь в ученики, например, в торговлю или в другое место. Подумайте, Леона, – имя вырвалось у него нечаянно, – будьте благоразумны. Лучше для нас обоих не встречаться.

И тут она рассмеялась.

– Конечно! Потому что мы не знаем наверняка, чьим сыном является Сол, верно?

Кровь отхлынула от лица Роджера.

– Возможно, вы и не знаете, но это ваше дело. Если вы думаете о его будущем, то примете мое предложение и уедете из этих мест.

– О нет! Я же сказала, что остаюсь. Скоро вернется из Африки Дюк – брат Сарна. Он хорошо разбирается в рудничном деле и, когда увидит «Веал Фэнси», думаю, возобновит там работу. Так что вы ничего не можете сделать. Ничего!

Роджер сделал шаг по направлению к ней, ненавидя ее в этот момент от всей души.

– Вы добивались этого! – взорвался он, забывая намерение оставаться спокойным. – Все эти дни, когда мой дядя болел, вы суеились вокруг, подлизывались к старику. Вы заставили его подписать этот пункт, но любой честный судья будет на моей стороне.

На губах Леоны мелькнула странная усмешка.

– Не думаю. Особенно если я расскажу всю правду. Я любила сэра Джонатана, бедного больного старика. И заботи-

лась о нем.

— Не обманывайте себя. — Роджер выдавил презрительный смешок. — Советую вам хорошенько подумать.

Она не ответила, молча повернулась и направилась к двери. Потом бросила на прощание:

— Не провожайте. Я сама найду дорогу — во всем.

Он слышал, как за ней захлопнулась дверь, потом вторая, дальняя, и наконец шаги Леоны затихли на улице.

Роджер ослабил шейный платок, задыхаясь от возмущения и гнева. Будь она проклята и прокляты такие, как она! — думал он.

Хитрая шлюха! Но он все равно выиграет, употребив все свое влияние. Роджера охватило неприятное чувство, когда он услышал, что Дюк возвращается в Корнуолл. Он помнил, что мать Дюка собиралась женить его на Леоне много лет назад, но Дюк тогда уехал в Африку за золотом и не вернулся к назначенному сроку. Потом Леона забеременела и была выдана за Сарна или сама за него вышла после того, как он, Роджер Куртни, отрекся от нее. Теперь, когда начались волнения буров, Дюк решил, вероятно, что в Англии ему будет лучше. Может быть, он даже разбогател и теперь сможет начать новую, безбедную жизнь в своей стране. Беспокойные мысли охватили Роджера. Дюк всегда был нахальным, самонадеянным типом, и Роджеру не хотелось вступать с ним в борьбу, да и вообще иметь с ним дело. Знания в рудничном деле, которые Дюк приобрел за десять лет, прове-

денные в Африке, сделают его, однако, мощным союзником Леоны, если она вздумает проявить практический интерес к «Веал Фэнси». Но пока Дюк не приехал, есть надежда, что она передумает и примет предложение Роджера. Если нет...

Роджер стал думать о мерах, которые должен предпринять, чтобы одержать над ней верх.

Потом решительно отогнал мысли о ней и весь остаток дня занимался бумагами.

Кларисса в этот вечер была раздражена.

– Я ужасно устала вчера от этого нудного нотариуса. Нельзя допустить, чтобы эта ужасная женщина получила ферму, не правда ли? Ты же сам говорил, что рудник поможет нам стать богатыми, даже очень богатыми, а теперь твой дядюшка умер и оставил рудник ей. Это несправедливо.

– Конечно, но тебе не кажется, Кларисса, что в этом есть часть твоей вины?

– Моей?!

– Да. – Роджер рванул белый шейный платок. – Если бы ты больше времени уделяла хозяйству, приглядывала получше за кухней и за тем, что происходило наверху, дядя Джонатан не был бы предоставлен заботам Леоны. Ее не надо было пускать на порог, когда он стал болеть. А ты могла бы уделять ему больше внимания.

– Он никогда не любил меня, – сказала она угрюмо, – и ты знаешь это. Да я и пыталась вначале, но экономка не пускала меня дальше двери. Сама она тоже не много делала. И

посмотри на нее – она теперь не лучше спившегося джином старика. Так что не надо меня обвинять, Роджер. Это нечестно.

Пожалуй, она права, неохотно подумал Роджер. Но домашние проблемы все равно требовали теперь внимания. Миссис Пуллен, получив причитающуюся долю наследства, теперь, очевидно, уедет к племяннице в Брайтон, так что придется нанять мальчика и горничную. Он надеялся, что Кларисса не заставит его разыскивать воспитанную прислугу, умеющую приседать и кланяться при первой возможности.

Он знал, что ему предстоит контролировать расходы жены. Она всегда была тщеславной женщиной, которую привлекали лишь безделушки и экстравагантные наряды, столь дорогие ее сердцу. В какой-то момент он смягчился и даже почувствовал к ней жалость. Она так много ждала в первые дни брака, и счастье придавало ей ту детскую непосредственность, которая восхищала его. Не ее вина, что его восхищение было мимолетным, так же как не ее вина, а его ошибка, что под хрупкой внешностью жены он не обнаружил глубины души.

Жизнь загадочна по природе, подумал Роджер. Иначе почему я, имея верную и почти идеальную жену, мать своих детей, все еще в мыслях ускользаю к другой женщине с кошачьими глазами, сверкающими как прозрачная вода, с голосом и волосами, наполненными летним золотом?

Спохватившись, он постарался настроиться на деловой лад. Он сделает все возможное, чтобы Леона не получила рудник.

Поздним октябрьским днем Дюк Дарк сошел с поезда на станции Камборн и с самоуверенным видом зашагал по платформе к воротам. Он выделялся в толпе пассажиров, рудокопов, возвращавшихся из Кейпа, ростом, фигурой, загорелым обветренным лицом. В одной руке он держал узел, в другой – чемодан. На пальцах сверкали золотые перстни, из кармана свисала золотая цепочка от часов.

Усмехнувшись, Дюк Дарк снял широкополую шляпу и весело помахал ею зевакам на мосту. Больше десятка лет прошло с тех пор, как он уехал отсюда в Африку и, благодаря удаче и тяжелому труду на рудниках Трансвааля, сколотил изрядное состояние. Он не воевал с бурами, заботясь больше о собственном кармане, который теперь был набит достаточно, чтобы позволить ему начать собственное дело в своей стране. Дюк слышал от приятеля, что девушка-найденщиш, которую ему прочили в невесты, вышла замуж за его младшего брата Сарна и у нее есть сын. Ну что ж, дай Бог им счастья. Для него женщины не имели большого значения, и он не собирался сейчас заводить семью.

Его цель – добиться чего-нибудь стоящего. Такого, что могло бы прославить его имя в родном Корнуолле. Однако пока он не представлял себе ясно, чего именно собирается добиться. Час спустя Дюк добрался до Келин Вудс и услы-

шал, что Леона и Сол поселились в Оулесвике. Как только он узнал о завещании и о попытках нового сквайра оспорить его и забрать ферму и рудник себе, его воображение сразу ожило.

– Вот то, что надо, – сказал Дюк своей старой матери, – слава Богу, я приехал вовремя. Говоришь, Леона работала, как мужчина, вскапывая под огород землю, и завела свой дом, скот? Теперь все изменится. – Он ухмыльнулся, блеснув белыми зубами, и упрямо вздернул голову. – Я теперь знаю почти все о рудниках и уж наверняка не позволю этому аристократу Куртни лишить Дарков их прав.

Сара Дарк внимательно смотрела на сына пронизательными черными глазами. Ее устраивала теперешняя жизнь, особенно то, что она могла брать овощи и цыплят с фермы бесплатно.

– Веди себя поосторожнее, – предупредила она, – не затевай ссор со сквайром. Жизнь теперь стала лучше, когда Леона занята на ферме, а Сарн устроился на постоянную работу. Слава Богу, в последнее время он нечасто нас беспокоит.

– Ха! Странный муж, а?

– Она должна была стать твоей и стала бы, если бы ты сдержал слово.

Дюк немного помолчал.

– По-моему, до сих пор это тебя устраивало. Так что кончай терзаться по поводу прошлого. Сейчас надо думать о бу-

душем.

Глядя на сына долгим задумчивым взглядом и восхищаясь его мужественной внешностью, Сара сказала:

– Может быть, ты сможешь вдолбить это в голову твоего беспутного братца. Леона сейчас в расцвете женских сил, и ей рядом нужен настоящий мужчина. А он! Больше думает о том, как бы поймать и освежевать кролика, чем о том, чтобы удовлетворить ее в постели.

– Кажется, раньше он знал, как это сделать, – загадочно проронил Дюк. – Ты говорила, что Сол хороший парень и сильный. Весь в мать, а?

Сара сипло рассмеялась.

– Совсем не похож. Я не могла найти сходства, как ни пыталась. Почему бы тебе не сходить на ферму и не убедиться самому?

– Завтра. С меня хватило дороги от Камборна. Мне надо помыться, принести тебе дров, чтобы ты приготовила что-нибудь горячее и вкусное, а потом мы еще побеседуем и я покажу, что привез для моей дорогой старой матушки.

Он притянул Сару к себе и чмокнул в щеку. На ее глаза навернулись слезы от любви к сыну. Она кивнула.

– Договорились. Приводи себя в порядок. Багаж снеси в комнату Сарна, она с задней стороны дома. Вымыться можешь у колонки и принеси мне ведро воды.

– Иду.

Когда они поужинали жарким из кролика и жирным пи-

рогом, Дюк, достав из кармана флягу с виски, налил в чашки по солидной порции. Потом принес узел из толстой материи, который распирало от африканских сокровищ. Развязав узел, он высыпал на стол содержимое, и Сара охнула от изумления. Там были кольца, браслеты, ожерелья, цепи вперемишку с самородками и африканскими амулетами. Все это сверкало в отблесках пламени горящих в очаге дров.

– И что это все такое? – наконец спросила она.

– Богатство, ма. Здесь целое состояние и еще кое-что есть в моем большом чемодане. Завтра, еще даже не заходя на ферму, я пойду в банк, в Пензанс. Людей убивали даже за такую малость, как самый крохотный грязный самородок, который ты видишь перед собой.

– Ну что ж. – Сара тяжело поднялась и села на грубо сколоченную скамью. – Спина не держит, не могу сидеть прямо.

Рассмеявшись, Дюк опять завязал в узел свои сокровища.

– Сможешь, мамаша, сможешь. Ты будешь настоящей леди, когда я добыю своего. Новые платья, красивые украшения, которыми не побрезгуют и герцогини, и большой хороший дом, где ты будешь жить.

– Еще чего! – запротестовала она горячо. – Ну, колечко-другое – это еще куда ни шло, да хороший курятник, да попоны для моего старого осла и для Эбони. Но из леса я не уеду. Не для моего это возраста. Немного еды, тепло – все, что мне теперь надо.

– И даже не хочешь коляску и лошадь, чтобы выезжать?

– лукаво спросил Дюк. – Просто для того, чтобы подразнить этих гордецов Куртни?

Сара задумалась, и легкая улыбка появилась на сморщенных губах. На секунду жесткие, высохшие черты ее лица смягчились.

– Поглядим, – сказала она, помолчав, – мне надо об этом подумать немного. Ты делай свои дела, а я пока буду думать.

Но Дюк уже знал, что выиграл, и с теплотой смотрел на мать. Под его суровой внешностью искателя приключений таилась глубокая привязанность к тем, кого он любил.

Стоя у окна в холле поместья Фернгейт, Арабелла с интересом и легким волнением наблюдала за высокой фигурой Дюка Дарка, шагавшего через луг к ферме. На ней было платье светло-зеленого цвета, оттеняющее светлые волосы и ясные глаза, которые отражали небо, море и солнце.

Ей вдруг ужасно захотелось быть там, на диком склоне, где мороз посеребрил бурые папоротники. Высокий воротник модного платья душил ее. Уже несколько недель Арабеллу не покидало чувство, что она пленница в этом огромном доме, где все подавлено мрачным состоянием души ее отца. Его лихорадочные попытки выселить из Оулесвика Леону Дарк пока терпели поражение. В результате вся семья страдала от его дурного настроения. Роджер почти забросил работу в Пензансе, не принимал участия в делах компаньонов, поэтому домашние не могли отдохнуть от его тирании даже днем – он все время находился рядом.

Кларисса, потеряв надежду на светский образ жизни, впала в раздражительное состояние от непрерывных требований мужа экономить на всем, пока дела не поправятся, — имелось в виду, что это настанет тогда, когда он вернет ферму и рудник, особенно рудник, в свое владение. Но Клариссу не устраивала такая жизнь. Поэтому она постоянно пребывала в депрессии, страдала мигренью, и дети боялись ее несправедливого гнева. К тому же Роджер нарушил обещание избавиться от миссис Пуллен, заявив, что жена должна быть терпеливой и ждать, когда появятся деньги, чтобы нанять новую прислугу.

Все было мрачным и скучным в этот день для Арабеллы, все, кроме дикой природы вдали за Фернгейтом: извилистых тропинок, холмов и долин, простирающихся по ту сторону от далекой вершины Карн-Игл, где гигантские камни стояли, накрываясь, или падали в том месте, где находилось доисторическое поселение. Оулесвик был серой точкой на далеком склоне, но Арабелле хотелось побывать в тех заперщенных отчिमом местах. Она знала все о страшном месте — «Дыре мертвеца» — в дальнем конце леса, где ядовитые змеи и стволы старых шахт прятались под разросшейся травой. Но змеи опасны только летом, когда лежат свернувшись на камнях или прячутся в траве. Она ненавидела наложенные на нее ограничения и теперь с завистью наблюдала за самоуверенной походкой человека, фигура которого уменьшалась по мере его продвижения к ферме. Не отдавая отчет

та в своих действиях, она как бы в знак протеста Дернула гребень, удерживавший на затылке светлые волосы, и в этот момент услышала твердую поступь. Голос Роджера заставил ее вздрогнуть. Роджер настороженно смотрел на Арабеллу проницательным взглядом.

– Арабелла, о чем ты задумалась? Ты замерзнешь здесь. Куда ты смотришь?

И, не дожидаясь ответа, он проследил направление ее взгляда. Несмотря на намерение держаться спокойно со своей падчерицей, которой втайне восхищался, Роджер мгновенно рассердился, увидев Дюка. Итак, этот мошенник вернулся, будь он проклят! Роджер коснулся округлого плеча девушки, почувствовав его тепло сквозь материю.

– Пойдем отсюда, здесь нет ничего интересного.

Она стряхнула его руку.

– Нет, есть. Этот человек, кто он? Он выглядит... как-то отличается от всех.

– Ты не права. Это один из Дарков, такой же бесчестный, как они все. И я не хочу, чтобы ты встречалась с ними. Особенно с этим. Ты прекрасно знаешь, что они враги нашей семьи. Этого должно быть для тебя достаточно.

Арабелла подняла на Роджера свои ясные глаза, и что-то в этом взгляде не только задело, но и глубоко обеспокоило его.

– Не понимаю, почему мы должны иметь врагов, – сказала она с оттенком сочувствия, – ведь злость на этих людей не поможет вернуть тебе Оулесвик или рудник, не так ли? Мне

кажется, было бы гораздо лучше, если бы мы поддерживали хорошие отношения с людьми.

Роджер внезапно рассердился.

– Не твое дело давать мне советы! Ты еще ребенок, и в моем собственном доме я требую повиновения, ты поняла?

Щеки Арабеллы запылали.

– Я уже не ребенок. И ты не... – Она оборвала фразу и прикрыла рот рукой.

– Ну, что же ты замолчала? И я не твой отец, да? Но по закону я им являюсь, и ты всем обязана мне. Запомните это, мисс. – Роджер помолчал и добавил уже спокойнее: – А теперь иди к себе в комнату. Я найду твою мать и пошлю ее к тебе. Уверен, она поможет тебе разобраться.

– Маму! – Уходя, Арабелла презрительно вскинула голову. – Мне кажется, ты просто скупой. И мне надоело сидеть взаперти в этом душном доме и не видеть никого, кроме Евы, Руперта и... прислуги. – Она всхлипнула и, шелестя накрахмаленными нижними юбками, убежала.

Сжав кулаки, Роджер смотрел ей вслед, пока она не исчезла, потом тяжело вздохнул и направился в библиотеку.

Немного успокоившись, он стал думать о том, что пришло время и надо устроить какой-нибудь вечер для девочки, пригласить гостей. Надо поговорить с Клариссой. Праздник обойдется недорого, он отвлечет Арабеллу от мыслей об этих скверных Дарках и от прочих диких идей, которые от одиночества бродят в ее голове. И уже это оправдывает затраты.

Он поговорит с Клариссой сегодня же вечером.

Но Кларисса не оправдала надежд Роджера и не проявила энтузиазма, когда он предложил устроить вечер для Арабеллы. Можно сказать, она была даже против. Она лежала в шезлонге в своем маленьком будуаре и лениво листала страницы модного журнала.

– Но это же будет детская вечеринка, – отозвалась Кларисса, неохотно оторвав взор от картинки, на которой было изображено полупрозрачное, в греческом стиле, платье. Муж, разумеется, никогда не оплатит покупку столь смелого наряда и не одобрит его. – Ведь Арабелле всего двенадцать и...

– Ей скоро исполнится тринадцать, – резко оборвал ее Роджер, – к тому же есть и другие...

– Руперт и Ева! Ты можешь представить себе Руперта, играющего в младенческие игры!

– Они не обязательно должны быть такими. Мы можем устроить небольшой концерт. Ведь скоро Рождество... – Роджер тяжело вздохнул. – Ну хорошо, не надо праздника. Я просто думал, тебе самой захочется нарядиться для гостей.

Кларисса холодно посмотрела на мужа.

– Во что? У меня давным-давно не было нового платья.

– Но я недавно оплатил чек на большую сумму от твоего портного в Пензансе.

Она слегка покраснела и на секунду даже помолодела.

– Но это для каждого дня. Дневное платье, чтобы принять твоего партнера на следующей неделе, и накидка для зимы. Мой гардероб слишком скуден для дамы моего положения, Роджер. Я думала, что, когда завещание вступит в силу, я получу дополнительную сумму на свои расходы. Но увы! Все, о чем ты можешь думать, – имение и бессмысленная трата денег на то, чтобы вернуть Оулесвик. Это нечестно, слышишь? Когда у тебя появляются наличные, ты несешь их судебному приставу, хотя вообще неизвестно, что он может для тебя сделать. Ты не хочешь смотреть правде в лицо. Эта ужасная женщина не собирается отдавать ферму. И ты еще говоришь о вечеринке! О, как все это утомительно! – Выговорившись, Кларисса откинулась на шезлонг и закрыла глаза.

– Ну что ж, – тон Роджера был отрывист, – никакой вечеринки.

– Но я не имела в виду конкретно это... – устало сказала Кларисса. – Почему же, ее можно устроить, если Арабелла так хочет. Еве все безразлично. Но... – она побарабанила пальцами по столику и задумчиво посмотрела на мужа, – но кого мы пригласим? Дочь Бериона. Потом сына менеджера твоего банка и детей лорда Хелиера. – В глазах Клариссы появился слабый огонек. Она выпрямилась и оживилась. – Что скажешь о них? Ты теперь имеешь титул и несколько раз встречался с лордом Хелиером, не так ли, Роджер? Что ж, при таких обстоятельствах и при условии, что я получу но-

вое платье...

– Побойся Бога, Кларисса, будь благоразумна. Мы совсем не в близких отношениях с такими высокими особами, как Хелиеры.

– Но...

– Никаких «но». Прекрати это. От твоего снобизма меня просто тошнит.

– Снобизм? – Голос ее поднялся почти до визга. – Мне это нравится! Все, о чем ты думал за время нашего брака, – это как скорее заполучить титул твоего несчастного дяди и стать сквайром!

Пока она произносила эту тираду, в комнату неожиданно вошла Арабелла. Она остановилась в дверях, ошеломленная, потом воскликнула:

– Что такое? Что случилось? Вы ужасно кричите, а в коридоре миссис Пуллен. Мама...

Роджер пытался проявить выдержку.

– Не стой там. Войди и закрой за собой дверь. – Когда она послушалась, он продолжал: – Твоя мать немного расстроена, Арабелла. Не волнуйся, ничего страшного. Я просто был... немного бестактен.

– И ты не должна была подслушивать у дверей, – сказала Кларисса.

– Я не подслушивала.

– Нет, подслушивала.

– Взрослые иногда ссорятся, – натянуто сказал Роджер, –

особенно когда речь заходит о детях. Я предложил устроить вечеринку, а твоя мама не согласилась.

– Вечеринку?

– Для тебя. Но твоя мама не согласна.

– О Господи! Я этого не хотела бы.

– Что именно?

– Чтобы вы из-за меня ссорились. И я не хочу никакой вечеринки. Все равно некого пригласить.

– У судебного пристава Кардью есть сын, и, как сказала твоя мама, есть еще молодые Берионы и другие молодые люди нашего сословия. Мы можем даже пригласить кого-нибудь из деревенских, чтобы доставить им приятное. Имя Куртни будет более популярно, если мы начнем встречаться с людьми. Ты сама об этом недавно говорила.

Но Арабелла молчала, и Роджер жестко спросил:

– Так что же?

Она покачала головой.

– Спасибо тебе за эту идею. Но вряд ли что-то получится. Во всяком случае, это уже не для меня, я выросла из таких вечеров. Все, кого вы только что назвали, еще маленькие. Это Руперту может понравиться командовать ими в играх, но не мне. Разве вы этого не понимаете?

Мне в январе будет тринадцать. И то, чего хотелось бы мне, вряд ли будет нам по карману.

– Что же, например?

– Ну, например, я умею ездить верхом, но мой пони для

этого уже не годится. Вот если бы у меня была своя лошадь?..

Она замолчала, в ожидании ответа глядя на Роджера, а его в этот момент раздирали противоречия. Он представлял ее, юную и прелестную, мчащуюся галопом по окрестным лугам, такую же свободную и дикую, как соленые ветры и облака, несущиеся с моря. Но куда? На ферму? Туда, где засели захватчики его законных земель? При этой мысли внезапная ревность охватила Роджера, заставляя забыть, что перед ним не молодая, обожаемая им женщина, а всего лишь подросток – его собственная падчерица.

Помрачение длилось всего секунду или две.

– Когда я почувствую, что ты достаточно для того выросла, я об этом подумаю, – сказал он и отвернулся.

Издав возглас отчаяния, Арабелла повернулась и выскочила из комнаты, захлопнув за собой дверь.

– У нас будет много хлопот с ней, – сказал Роджер сердито, – я все делал для детей, что мог, и вот награда – неблагодарность и дурные манеры!

Печаль легла на утомленное лицо Клариссы.

– О да! У нас есть еда, одежда, респектабельность, ежегодные двухнедельные поездки в Брайтон и имя Куртни. Но есть еще и другие ценности на свете. Счастье, например.

Высказанное без обиняков горькое заключение было настолько нетипичным для его жены, что поразило Роджера. Он нахмурился.

– Что ты имеешь в виду?

Она притворно улыбнулась.

– Тебе не понять. А теперь, пожалуйста, оставь меня. У меня разыгрывается мигрень.

Он ушел расстроенный, подгоняемый дурным настроением, и направился прямо на конюшню, где оседлал своего черного мерина Плуто. Что толку в грустных мыслях, думал он, галопом выезжая из загона к тропе, ведущей к верхним торфяникам. Не раздумывая, проехал через спутанные заросли дрока возле Оулесвика, потом напрямик поднялся к гребню горы, где рудник «Веал Фэнси» торчал как вызов территории Роджера. Недалеко от границы владений Фернгейта он спешился и, держа лошадь за узду, остановился, окидывая взглядом величественную панораму далекого побережья Корниш – море, серую громаду его дома в окружении полей и рощ, сливающихся с лесами Келин Вудс за ложиной.

Его земля. Гордость переполняла Роджера. Немного погодя он посмотрел налево, и как раз в этот момент из-за камня появился мальчик с черными выющимися волосами, который держал в одной руке палку, а в другой узелок.

На шее у него был повязан красный в горошек платок. Лицо – темное от загара, красивое, живое, с прямым взглядом ясных умных глаз. Роджер внезапно ощутил негодование. Конечно, перед ним сын Леоны. Его вдруг как молнией поразило удивительное сходство лица мальчика с чертами многочисленных предков семьи Куртни, портреты которых висели на лестничной галерее. Возмущение перерастало в

гнев. Роджер так не хотел этой встречи, избегал ее всеми силами, а теперь они стояли друг против друга, лицом к лицу – отец и сын. Незаконнорожденный ребенок из лачуги, в жилах которого течет его собственная кровь, что не вызывало теперь у Роджера ни малейшего сомнения, ошибки быть не могло. Насмешка над его законным наследником, избалованным капризным Рупертом.

– Что ты здесь делаешь? – резко спросил Роджер.

Мальчик посмотрел на него удивленно.

– Собираю грибы. Они тут везде растут – и около рудника, и в развалинах Чайверна. Если хотите, я покажу вам эти места. Там их полно. Моя мама говорит...

– Ты не имеешь права бродить здесь, мальчик. Это поместье Фернгейт. Держись от него подальше, понятно? И смотри, чтобы я не встретил тебя здесь снова.

Мальчик не двинулся с места.

– Ну? Ты слышал, что я сказал?

– Да, сэр. Но... я думаю, вы не правы. Я пришел с фермы Оулесвик.

– Оулесвик – часть моих владений. В любом случае, там, где ты стоишь, проходит граница, так что лучше убирайся отсюда, и поскорее, иначе пожалеешь.

Не произнеся больше ни слова, мальчик повернулся и, высоко подняв голову, легкой походкой направился туда, откуда появился.

Кипя гневом, Роджер некоторое время смотрел ему вслед,

против воли любуясь гордой посадкой головы и независимой походкой вторгнувшегося в чужие владения юного захватчика. Роджера больше устроило бы, если бы мальчик начал спорить, но этим надменным молчанием он бросал вызов Роджеру и всей семье Куртни.

Роджер, угрюмый и недовольный самим собой, вскочил на лошадь со странным чувством Унижения, ударом послал ее в галоп вдоль гребня и помчался вниз, к Фернгейту.

В Фернгейт пришло Рождество. Руперт подготовил представление для небольшого количества гостей и слуг. К тайному отвращению Роджера, Руперт считал себя прирожденным актером и был польщен своей ролью молодого лорда, переодевшегося горцем, чтобы спасти свою возлюбленную, которую изображала Арабелла, из рук жестокого соблазнителя – Даниеля, мальчика из буфета. Даниель, не имея ни малейшего представления об актерской игре, тем не менее выглядел как настоящий разбойник – в плаще, в черной шляпе, с огромными черными усами, приклеенными к розовому детскому лицу, – и был прекрасным фоном для жеманной элегантности Руперта. Когда усы свалились в самый разгар драмы, никто не засмеялся. Руперт, который сам придумал весь эпизод, в щегольском шелковом новом костюме вызывал восхищение Клариссы, уговорившей и Роджера приодеться в честь выступления сына. На время она даже забыла про раздражение и мигрень ради торжественного вечера. Несколько гостей сидели на двух рядах стульев в большой бильярдной. Позади стояли слуги. Бильярдный стол был сдвинут в сторону, и актеры выходили из двери, ведущей в холл.

Позже все согласились, что Руперт, несомненно, обладает большими актерскими способностями.

– И такой красивый мальчик, – слащаво сказала леди Вексли, жена промышленника. – Вы должны им гордиться, сэр Роджер.

«Пропади ты пропадом, – подумал Роджер, чувствуя, как волна жаркого гнева поднимается в груди. – Почему она не может придержать свой язык? Ведь этими замечаниями она заставляет меня вспомнить другого наследника и почувствовать разницу между ними, между кислой рожицей Руперта и открытым лицом мальчика с фермы!»

После встречи с сыном Леоны Роджер пытался отогнать воспоминания о нем, но тщетно. К несчастью, несмотря на свое решение делать все, что в его силах, для Руперта, Роджер не мог не раздражаться, глядя на него. И манера держаться, и выражение лица, и томный голос, и капризная требовательность – все это буквально бесило Роджера.

Единственное, что связывало отца и сына, так это пылкое восхищение Арабеллой, которая совершенно этого не ценила. Из всей семьи она хорошо относилась только к Еве – всеми покинутой сестре-близнецу Руперта. Арабелла знала, что под застенчивой внешностью Евы таятся мечтательность и чувствительность – способность обожать и любить, свойственная всем диким созданиям природы и не понятная ее собственным родителям и брату.

Роджер, чувствуя отдаленность дочери, когда-то пытался из чувства долга вытащить ее из замкнутости, но потерял надежду и решил, что девочка получила эту слабость в наслед-

ство от предков со стороны Клариссы. И потом уже просто не замечал ее. Любовь и способности дочери к рисованию птиц, зверей и цветов казались Роджеру детской бесполезной привычкой. Он несколько раз заговаривал с Клариссой по поводу школы для Евы, но в этом вопросе она неожиданно проявила стойкость.

– Нет, Роджер, оставь это, это не годится для Евы. Она слабая, может заболеть, и потом мы будем себя винить, что отослали ее. Попытайся относиться к ней с любовью, даже если ты ничего не чувствуешь.

Он поморщился.

– Что ты имеешь в виду? Я пытаюсь сделать все возможное для Евы.

– Тогда оставь ее гувернантке. Мисс Brent учит девочку всему, что ей необходимо знать, и это обходится дешевле, чем школа.

Что ж, Кларисса, пожалуй, права, решил Роджер мрачно, и вопрос был закрыт. Ева останется в Фернгейте, а Руперт, когда ему исполнится одиннадцать, поедет учиться в Рашби.

Арабелла тем временем занималась и с мисс Brent, и самостоятельно. Ее интеллект был под стать внешним данным. Роджер почему-то никогда не задумывался, что она может куда-нибудь уехать из дому.

Пришла весна с ее переменчивой погодой: теплые тихие дни, когда бледное солнце освещало поросшие золотисто-зеленым вереском торфяники, перемежались с холодными, и

тогда по небу неслись низкие тучи и с моря дули яростные ветры. Роджер, жадно впитывающий новости, касающиеся фермы и «Веал Фэнси», знал, что Дюк Дарк обосновался в Оулесвике и пригласил инженера из Бристоля вместе с несколькими экспертами по рудному делу, включая минеролога, чтобы оценить возможное количество залегающей там руды.

Из слухов, которые поступали из отдаленной деревни, он с горечью узнал, что вынесен положительный вердикт и жадный золотоискатель собирается начать работы как можно скорее. Покинутые когда-то коттеджи будут приведены в порядок и уже отдано распоряжение о постройке новых. Сквайр ничего не мог сделать – права на руду были получены Дарками вместе с «Веал Фэнси». Судебные иски, угрозы, даже попытки договориться и вступить в сделку с выскочками потерпели крах. Все, что оставалось Роджеру, – это хранить величественный безразличный вид, когда речь при нем заходила о руднике. Но внутри у него все кипело от бешенства, характер совсем испортился, что, конечно, отравляло жизнь домашним.

Чтобы избавиться хоть ненадолго от гнетущей атмосферы дома, однажды после уроков Ева незаметно вышла из дома и направилась по тропинке, ведущей через торфяники к ферме. Неделю назад она обнаружила в зарослях дрока на болоте редкий вид орхидеи и теперь хотела собрать букет, чтобы оживить краски на рисунках. Несмотря на запрет отца гу-

лять в этих местах, она не боялась послушаться. Никто, кроме гувернантки и Арабеллы, не мог заметить ее отсутствия, но мисс Брент в это время отдыхала в своей комнате, а Арабелла, которая единственная из всей семьи любила ее, конечно, никому не скажет.

На мне зеленое платье, думала Ева, оно должно сливаться с папоротниками и вереском, и меня не будет видно. И действительно, с рыжевато-коричневыми волосами, с острым личиком эльфа она больше напоминала волшебное создание из шотландских баллад, чем человека из плоти и крови. Несмотря на прихрамывание, которое шокировало Роджера, она двигалась грациозно и, будучи маленькой и легкой, вызвала только чуть заметное колебание весенней травы.

Тишину нарушал лишь легкий шелест вереска, и ничто не говорило о чьем-либо присутствии. Поэтому Ева испугалась, когда, обойдя небольшой скалистый холмик, внезапно натолкнулась на Дюка. Он показался ей огромным. На нем была зеленая куртка, грубые штаны. Дюк курил трубку, задумчиво глядя через долину на море. Ветер шевелил копну непокрытых волос. Ева встала как вкопанная. Брови Дюка поднялись, он вынул изо рта трубку и улыбнулся. Улыбка была доброй, и это немного успокоило девочку.

– Ну и ну! – воскликнул он. – Кто это такая? Эльф. Или принцесса? – И, так как она не отвечала и не двигалась, он кивком подозвал ее и продолжил: – Не пугайся, дитя. Я тебя не съем. Меня зовут Дюк. Дюк Дарк. Не великан-людоед,

хотя, возможно, я на него похож. — И он рассмеялся.

Ева выдавила слабую улыбку.

— Присядь, дитя. Сюда, рядом со мной. — Он похлопал по каменной плите рядом с собой. — Ты несешь цветы? Это орхидеи?

Она кивнула.

— Я собрала их, чтобы нарисовать.

— О, ты художник!

— Ну, не совсем. Я только пытаюсь им стать. Я рисую, когда никого нет и никто не мешает.

— Ты имеешь в виду, что для этого я должен уйти?

— Нет-нет! — запротестовала она. — Я имела в виду, когда никого нет из нашей семьи. Они меня не понимают, никто, за исключением Арабеллы. К тому же я не собираюсь рисовать сейчас. У меня нет с собой ни красок, ни бумаги. Я обычно рисую в саду. В зеленой беседке.

— Как тебя зовут, дитя?

— Куртни. Ева Куртни. И мне не разрешают заходить так далеко. Потому что...

Она сконфузилась и замолчала, так как человек, сидящий перед ней, был из стана врагов ее отца. Но Дюк понял.

— Я знаю. Можешь не объяснять. Большой злой волк, один из тех, что украли ферму у твоего папаши. Это я, верно?

Было что-то комическое в тоне и в выражении лица Дюка, когда он это произнес, и Ева рассмеялась.

— Я не думаю, что вы большой злой волк, — сказала она

застенчиво, и нежный румянец окрасил бледные щеки, сделав ее в этот миг прелестной.

– Ну и хорошо. Значит, будем друзьями.

– А можно? – спросила она с надеждой. – Мне бы очень этого хотелось.

– Значит, так и будет. Если очень захотеть чего-либо, обязательно исполнится. Я хотел золота и получил его, хотя за ним мне пришлось отправиться в Африку. – Он залез в карман и вытащил оттуда какую-то вещицу. – Видишь это?

Ева посмотрела на маленький блестящий предмет, лежащий на большой ладони. Это была маленькая фигурка слона с огромным хоботом, образовавшим колечко.

– Тебе нравится? – спросил Дюк, пристально наблюдая за ней. – Это негритянский амулет.

– О да!

– Тогда возьми его. – И он вложил безделушку в ладошку девочки. – У меня много таких штук – все сделаны из африканского золота. Золота Дюка. Храни где-нибудь в тайнике как доказательство нашей дружбы – твоей и моей. И, когда домашние не понимают тебя, ты думай: «Дюк понимает». И помни: в любое время, когда тебе захочется, ты можешь прийти на ферму и всегда встретишь там радушный прием. Не моя вина и не вина Леоны, что между нашими семьями лежит вражда.

Ева слегка наклонила голову.

– Да. – Потом встала и спросила: – Вы действительно да-

рите мне этого слоника? Навсегда?

Дюк кивнул.

– Будь уверена.

Крепко прижав маленького золотого слоника к своему сердцу, она сказала:

– Спасибо. Большое спасибо, мистер Дюк.

– Просто Дюк, – дружелюбно поправил он.

Она посмотрела вниз, на долину. Солнце затягивалось легким туманным облаком, оставалась лишь небольшая полоска света между морем и берегом.

– Я должна идти, – сказала Ева, – если меня начнут искать...

Он кивнул.

– Тогда спускайся и не забудь свои орхидеи.

Она улыбнулась и начала спускаться с холма. Арабелла стояла в саду с букетом сирени, когда Ева вошла в ворота.

– Я видела тебя, – сказала она сводной сестре, – из моего окна наверху. Ты должна быть осторожнее. Если отец тебя увидит... ну, ты же знаешь, что он запретил туда ходить. И Руперт все время крутится тут и шпионит. Может получиться скандал.

Ева вздохнула.

– Я хотела нарвать немного цветов, – она показала орхидеи, – чтобы нарисовать их. Что в этом плохого? И потом, – она помолчала немного, прежде чем продолжить, – я встретила хорошего человека, Белла. Огромного. На нем была зе-

ленная куртка, и у него очень добрая улыбка. Мы поговорили с ним, о, совсем недолго, всего несколько минут, не больше, но...

– О чем вы говорили?

Ева пожала плечами, крепко сжимая в ладони подарок, золотой талисман.

– О, об Африке, о цветах... так, о разных вещах...

Арабелла обняла сводную сестру за плечи.

– О разных вещах! Ну что ж, если не хочешь рассказывать, не надо! Только помни, дорогая, ты должна быть осторожна и умна. Наша семья очень странно относится, если можно так выразиться, к некоторым вещам. – Она опустила руку и огляделась по сторонам. – Я думаю, ты встретила Дюка Дарка.

Глаза Евы расширились.

– Ты знакома с ним?

– Нет. Но я видела, как он ходит на ферму, – огромный мужчина со светлыми волосами.

– Да, это он.

– О, Ева! Ну почему мы должны быть такими гордецами и снобами! Только из-за амбициозности и раздражительности мамы или из-за того, что папе обязательно надо иметь врагов, наша жизнь скучна и испорчена. Иногда я просто ненавижу Фернгейт! И часто думаю о том, чтобы убежать отсюда!

Она говорила с такой страстностью, что Ева немного испугалась.

– Но ты не сделаешь этого, правда? Не оставишь меня?

– Я тебя обязательно предупрежу, не волнуйся.

– О! Мне надо поставить цветы в воду, иначе они завянут.

– Да, мне тоже надо идти переодеться к обеду. Придут скучный менеджер банка с женой, и родители хотят, чтобы я выглядела как можно лучше. Отец опять хочет взять ссуду, и мне придется быть «очаровательной».

– Ты говоришь с такой горечью!

– Я просто начинаю больше узнавать о людях.

Арабелла ушла, а Ева подождала минуты две, прежде чем последовать за сестрой в дом. Внезапно померкла радость от прогулки и короткой встречи с Дюком. Она вновь упала духом и почувствовала себя одинокой. Ей тоже придется переодеться. Снять удобное зеленое платье и натянуть желтое, из вельвета, в котором жарко и шею колют вставочки, поддерживающие высокий воротничок. Оно давило тяжестью на ее хрупкие плечи, отчего потом ныла спина. Платье было отделано шелковыми рюшами, и его желтый цвет Еве не шел. На Арабелле оно выглядело бы совсем по-другому. Пшеничные волосы и сверкающие зеленые глаза превратили бы желтый цвет в золотистый, оттеняющий ее красоту. Ева вздохнула и крепче сжала подарок Дюка в маленькой ладошке.

По крайней мере, он не нашел ее скучной и бесцветной. Даже один раз назвал «принцессой». И теперь на свете были двое людей, о которых она будет вспоминать, когда папа и мама не будут обращать на нее внимания, а Руперт

опять начнет дразниться. И как-нибудь, очень скоро, она снова пойдет по тропинке вверх по направлению к Оулесвику, невзирая на предупреждение Арабеллы.

Несколько дней спустя после встречи с Евой Дюк вернулся на ферму поздно вечером с рудника, где шло строительство, и нашел Леону нарядной, в ее лучшем сиреневом платье и в кружевном переднике, стоящей в гостиной у большого, накрытого к обеду стола.

Дюк удивился. Обычно они обедали в кухне. Очевидно, была причина для такого парада. Вечера были еще холодными в апреле, и в старом корнуоллском очаге горели дрова. На чистой скатерти стояла ваза с марципанами, бутылка домашнего вина и бокалы.

– Вот это да! – воскликнул Дюк. – Что за причина? Чей-нибудь день рождения?

Леона обернулась к нему. Она немного изменила прическу, сделав ее менее строгой, и теперь при меркнувшем свете дня, освещенная бликами огня из камина, казалась невероятно юной. Как темно-голубой гиацинт, озаренный солнцем, подумалось Дюку.

– Я получила уведомление этим утром, после того как ты уже ушел. Его принес Сол, он заходил на почту в поселке. Это от Сарна, он приезжает сегодня вечером. Пишет, что заработал хорошо в Хэйле и хочет меня повидать.

– О! Значит, теперь он захотел приехать? – Тон Дюка был недобрый и ироническим. – Самое время. Может быть, он

хочет дать тебе на жизнь пару монет после столь долгого отсутствия? Или ему надоело бродяжничать и воровать, и теперь он хочет получить долю того, что тяжелым трудом заработала его жена, пока он наслаждался свободой?

– Не надо, Дюк, не порти вечер. И я прошу тебя быть с ним повежливее.

– Повежливее? После всех этих лет, когда я из кожи лез, чтобы заработать, а он шлялся, где хотел? – В глазах Дюка загорелся недобрый огонь.

– Но ведь это ты уехал из дому, – напомнила Леона.

Он пожал плечами и махнул рукой, так как больше не мог видеть ее, такую гордую, прекрасную и – вынужденную терпеть этого бродягу Сарна. Дюк направился к двери.

– Я уйду ненадолго, чтобы не мешать вам обниматься и целоваться. К тому же мне надо повидать одного человека в трактире «У Рэма».

Леона видела в окно, как он уходил. С непокрытой головой, слегка сутулясь, Дюк шагал с таким видом, будто хотел стряхнуть с себя гнев. Пожалуй, это и к лучшему, подумала она с горечью, мне будет легче объясниться с Сарном.

Муж Леоны не показывался дома с тех пор, как приехал Дюк. Он найдет, вероятно, оправдания, и достаточно правдоподобные. Когда ему хотелось, он ловко выкручивался, и у него был хорошо подвешен язык, если это было выгодно. А сейчас, конечно, ему выгодно вернуться. Теперь Леона имеет регулярную выручку каждый месяц от овощей со своего

огорода, продавая их в поселке, от яиц, от домашней птицы, а также от печенья, выпекаемого для деревенской кондитерской. К тому же у нее есть еще мешочек с золотыми монетами, которые она нашла в морском сундучке на чердаке фермы. Сэр Джонатан спрятал его от всех специально для нее, это следовало из приписке к завещанию «со всем, что там находится».

Леона истратила немного, разумеется, только чтобы привести в порядок ферму. Купила корову, двух свиней, кур, зерна и семян для того, чтобы засадить два прилегающих к ферме поля. Сол оказался хорошим помощником по уходу за скотиной и в поле. Ей повезло с сыном. Хотя она и Сарн, как муж и жена, должны быть вместе, Леона решила раз и навсегда, что он никогда не узнает о ее тайном кладе. Он должен остаться и внести свою долю в тяжелый домашний труд. Если нет – ее губы сжались, – ему придется уйти отсюда опять, иначе между ним и Дюком возникнут неприятности.

Конечно, будет нелегко, но она вытерпит. Вытерпит ради сына и ради Сарна. Ей надо прежде всего думать о сыне. Сарн, безусловно, проиграет в открытом бою. Он всегда был слаб физически, но хитер, хитер как лис, и забавен, если захочет. Вспомнив его положительные качества, Леона снова прониклась к Сарну теплым чувством. Конечно, она не должна была выходить за него замуж, ей он не подходил. Но в то время ей казалось, что это выход из положения.

Что касается Дюка, она ненавидела его за то, что его не

оказалось рядом, когда он был так ей нужен. Уехать и не вернуться к обговоренному сроку! Даже сейчас, спустя много лет, в ней снова поднялось глубоко запрятанное возмущение. Но теперь она не показывала виду, потому что нуждалась в его золоте и в его помощи. Надо было запустить рудник, из-за Сола. Сол был единственным на земле человеком, что-либо значащим для Леоны. Да еще старая женщина, подобравшая и воспитавшая ее как собственную дочь.

Леона заставила себя вернуться к настоящему. Что толку ворошить прошлое? Все ли на месте и выглядит приветливо и заманчиво для проголодавшегося путника? Из кухни шел вкусный запах любимого Сарном пирога из кролика, соленых огурцов, жареных овощей со специями и свежее испеченного хлеба. Жирный пудинг, булочки с изюмом, а уж после стаканчика ее знаменитого вина из бузины все придут в хорошее настроение.

Легкая загадочная улыбка заиграла на ее губах. Она взглянула на старинные часы, стоявшие в углу напротив камина. Он уже должен быть здесь. Седьмой час. Улыбка медленно исчезала. Леона начала хмуриться.

Она подошла к двери и, открыв ее, позвала:

– Сол, ты помылся? Переоделся?

Мальчик появился перед ней в своем лучшем костюме, выющиеся волосы приглажены, лицо розовое от здоровой пищи и свежего воздуха.

– Готов, ма.

– Тогда пойдй погляди на тропинку, не идет ли твой отец.

Он убежал, и Леона осталась опять одна. То и дело она поглядывала на часы. У нее начало зарождаться подозрение, что и в этот раз, как неоднократно случалось раньше, Сарн не сдержит слова. Не то чтобы она любила его, но она вышла за него, он был ее мужем, и мысль об очередном предательстве была унижительна.

Леона решительно отогнала эти мысли и начала придумывать оправдательные причины: его задержали дела в Хэйле, или вышел спор из-за оплаты. В дороге могло случиться разное. Может быть, Сарн договорился, чтобы его подвез какой-нибудь фермер или медник, а по дороге повозка могла сломаться. О, тысячи причин могли его задержать! Все могло случиться. Но беспокойство превращалось в глухой гнев.

Пирог все еще был горячим и ждал в духовке, хотя сласти уже потеряли свою рассыпчатую хрупкость.

Прошел час. Вернулся Сол, лицо у него было озабоченным.

– Его не видать, ма. Я спустился по тропе до самой дороги.

– О! – Леона сжала руки так, что ногти впились в ладони. – Ну тогда, – она постаралась придать голосу веселость, – может быть, приступим к ужину, ты и я? Жаль, что пропадает такая вкусная еда.

– Я тоже так считаю, – согласился Сол. – Не расстраивайся, ты же его знаешь. Заговорился с кем-нибудь. Или, может быть... – Он умолк под ее иронически-злым взглядом.

– А может быть, у него нашлось дело повеселее в последний момент, например, поиграться с богатой вдовушкой? – подхватила Леона. – Не принимай меня за дурочку, лучше помолчи. Не надо меня жалеть. Он не пришел, и все.

Сол прикусил губу и поправил свой лучший галстук. Он пригладил успевшие растрепаться на ветру волосы и взглянул в окно на тропинку.

– Да сядь ты! – прикрикнула Леона, – А, я сейчас выну пирог.

Он придвинул к столу два стула, пока она ходила в кухню. Через секунду Леона вернулась с подносом, уставленным блюдами.

Они попробовали вино, перед тем как начать есть. Сол спросил:

– Я думал, что дядя Дюк будет здесь. Почему его нет?

– У него дела. Придержи свои вопросы, Сол, и ешь. Помни, что еще надо присмотреть за скотиной, так что тебе придется опять потом переодеться. И если отец к тому времени не появится, нужно будет сходить в поселок и узнать, не видел ли его кто-нибудь «У Рэма». И отнесешь яйца Сэму Форесту, чтобы завтра не ходить. Они в маслобойне.

– Хорошо.

Сол ел с аппетитом, а Леона с трудом проглатывала пищу, но старалась не показывать виду, что не может есть.

– Теперь, – сказала она, когда пирог и пудинг были наполовину съедены, – собирайся. И никаких поблажек.

Сол вскочил, ухмыляясь.

– Еще глоток твоего вина, ма, и я помчусь туда и обратно быстрее ветра.

Она налила немного в маленький стаканчик и подала сыну. Через минуту он уже шагал вниз через вересковые заросли, к деревне. Стало почти совсем темно, когда Сол вернулся, и к тому времени Леона закончила почти всю работу на ферме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.